

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ый. Буэнос Айрес, суббота 19 августа 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 19 de agosto de 1989

Nº 2037

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПИСАТЕЛЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

2 . К Р А Й Р О Д Н О Й Д О Л Г О Т Е Р П Е Н Ь Я

Владимир Алексеевич Солоухин одарен, повидимому от природы, талантом рассказчика. О чем бы он не писал, — будь то о посещении им китайского ресторана в Париже или об автомобильной катастрофе, приключившейся в его родном селе Алеппине, — нам всегда интересно, и мы с увлечением следим за его повествованием.

К своим произведениям он вполне имел бы право применить то, что говорит по поводу С. Аксакова: «Давайте считать занимательной такую книгу, от которой невозможно оторваться, пока не прочитаешь ее от начала до конца, а прочитав последнюю страницу, до слез сожалешь, что книга кончилась, что нет и никогда не будет ее продолжения».

Именно такое чувство и испытываешь, закрывая главные вещи Солоухина: роман (почему-то, увы, единственный у него!) «Мать-мачеха», очерки «Владимирские проселки», «Славянскую тетрадь», «Черные доски», сборники рассказов, афоризмы, соединенные под общим заглавием «Осенние листья», да и все, что вышло из-под его пера.

Пишет Солоухин на самые разные темы, в различных жанрах. Но можно проследить в его творчестве ведущую нить, главную (или, во всяком случае, одну из главных) линию: острую скорбь о том, что большевики сделали с Россией, с русским крестьянством, с памятниками нашей старины, с национальной нашей литературой, с духом и характером русского народа.

Отметим мимоходом, что он бесспорно стоял у истоков создания движения, известного теперь как «Память». В сборнике его критических статей, выпущенном в 1976 году, «Слово живое и мертвое», в короткой заметке «Пожар осветил», он говорит: «Давно пора создать всесоюзное добровольное общество по охране памятников старины», и с грустью добавляет в сноске: «Теперь такое общество существует, что, впрочем, не помешало быть взорвану собору в центре Брянска».

К предмету разрушения неповторимых ценностей искусства, он возвращается раз за разом. Приведем как пример короткий рассказик «Изъятие красоты». В нем автор беседует с неким советским работником музея в вологодской области, и тот, показывая ему на старинный монастырь, с ободранными куполами и сбитыми крестами «хвастается перед приезжим человеком»: «Видите купола, это я их так», и на недоуменный вопрос «Зачем?», разъясняет: «Не наша это была красота, чуждая». А на возражение упрямо повторяет: «Мы смотрели иначе: прошлое — значит, чуждое, подлежит ликвидации, и никаких гвоздей». Из дальнейшего же мы узнаем, что во всем городе за годы

советской власти не было построено ни одного мало мальски красивого здания...

Однако, Солоухин, — не будем забывать, что он не только прозаик, но и поэт, — еще лучше выразил все это в стихах:

В черную свалены яму
Сокровища всех времен:
И златоглавые храмы,
И колокольный звон.

Усадьбы, пруды и парки,
Аллеи в свете зари,
И триумфальные арки,
И белые монастыри.

К тому же сюжету приводит нас миниатюра «В старинном селе». Степан Ильич, первый председатель сельсовета, который некогда устанавливал в родных местах советскую власть, вспоминает как громил церковь: «Согнали народ на площадь, образовали круг. В круг положили все, что напоминало о старом: иконы, вышитые ризы, всякие деревянные статуи, книги по пуду в каждой, в кожаных крышках... Я пучок соломы подложил... Бутылки керосину не пожалел. За полчаса прополыхало... Которые плачут, которые крестятся, которые так стоят. Но чтобы кто-нибудь что-нибудь — ни-ни. Ну, правда, у меня наган на боку. И милиционер ради такого случая».

Его же описание прежней жизни села вызывает у героя, от лица которого ведется рассказ вопрос: «Куда же все подевалось, Степан Ильич? И девять чайных, и семь лавок, и рубленая печенка, и рубец с чесноком, и чай парами, и баранки, и лещевая икра в огромных кадках, и уха, и солянка, и пасеки, и медовое сусло, да и ... пиво?» — «Кто-е знает» — отзывается советский бюрократ, — «Расточилось как-то все. Было — и нет. Как приснилось».

В другом, гораздо большем по объему, рассказе «Первое поручение»

советский администратор Петр Петрович Милашкин живописует свои подвиги времен раскулачивания. И когда писатель спрашивает за что он выкинул из дома в мороз, на гибель, крестьянскую семью, тот сбивчиво пытается растолковать: «Нет, ты неправильно ставишь вопрос. Не его одного ведь. Сейчас стало известно: пять или шесть миллионов семейств. Как это — за что? Тогда об этом не разговаривали. В 24 часа... Ну... За что, за что? За то, что он подошел под рубрику, «ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации»...»

В том же рассказе Солоухин цитирует воспоминания своего приятеля из большого приволжского села: «У них будто было три волны. Первая унесла двух действительно богатеев. Потом пришла разверстка раскулачить еще восемь хозяев. Стали думать, скрести в затылках. Кое-как набрали, наметили мужиков по исправнее. О злостных здесь не было и речи. Ладно, увезли и эти восемь семейств. И старики, не слезавшие уже с печи, и младенцы из люлек, и девушки на выданье, и парни, и женщины с заскорузлыми от земли и воды руками — все пошли в общие подводы, все канули в беспредельную метельную ночь. Но оказалось, на этом не кончилось. Вскоре поступила новая директива — дораскулачивать еще одиннадцать крестьянских хозяйств. Правда, село большое. Но ведь два, да еще восемь, да еще одиннадцать... Всю ночь заседали, прочесывали списки вновь и вновь, ставя против иных фамилий зловещие, отливающие железом, жирные галочки». Для жертв это означало следующее: «С собой придется взять только то, что на себе, все добро останется в доме, который теперь уж не твой, и все, что в нем теперь останется, — теперь не твое, и вся жизнь, прожитая в доме и тобой, и отцом, и дедом».

Как бы итог — и до чего же тра-

гический и жуткий! — подводит писатель в повести «Сосьвинские мотивы»:

«Если бы существовала единица измерения человеческих страданий (на тонны, на мегатонны), то все равно не хватило бы никакой шкалы измерить человеческие страдания на территории страны в 18-е, 19-е, 20-е годы, в 30-е годы, в военные годы, произошел бы новый всемирный потоп, затопило бы весь земной шар вместе с Эльбрусами, Эверестами, Килиманджарами. Тисф и гражданская война, «расказачивание» России и соловецкие лагеря, голод на Украине и в Поволжье 1933 года (более семи миллионов человек), инспирированный, кстати сказать, голод, лагеря 30-х и 40-х годов... С верхушкой затопило бы Гималаи и сам Эверест. Боже, и Ты все видишь?»

Пытаясь осмыслить судьбу раскулаченных, автор продолжает: «Но за что? Теперь, впрочем, уже мало у кого может возникнуть вопрос: «За что?» Тогда надо спрашивать, за что люди гибли в 20-е годы, за что они гибли на Соловках, а позже и в других лагерях. За что они гибли от голода в 1933 году, за что лучшая часть российской интеллигенции оказалась в изгнании, в эмиграции, за что, за что, за что? Перечнем вопросов можно исписать целые страницы. За что, скажем, умер от истощения в 40-летнем возрасте Блок, за что был поставлен перед жестокой необходимостью смерти Сергей Есенин. Надо теперь задавать уже другой вопрос:

Ради чего?

Ведь когда энтузиасты махали шашками и трясли наганом да маузерами в начале 20-х годов, все они махали шашками (и выкрикивали перед эскадронами) «за светлое будущее!» Не может не прийти в голову, что наши дни с очередями в магазинах, с нехваткой продуктов и жилья, с алкоголизмом, с низжайшими урожаями и надоями, с низжайшей производительностью труда и некачественной продукцией, с эпидемией рок-музыки и «видиков», с наркоманией, с абортными школьницами — это и есть ведь то самое светлое будущее, ради которого махалось шашками. Не на тысячу же лет они заглядывали вперед, да и на 70-то едва ли заглядывали. Какие там — 70! Вот кончится гражданская война — и светлое будущее. Вот вывезем «кулаков» из деревни — и светлое будущее. Вот выполним пятилетку и светлое будущее. Вот разоблачим, расстреляем «врагов народа» и — светлое будущее, вот кончится война — и светлое будущее...»

Можно ли составить более страшный, более убийственный обвинительный акт против большевизма?

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

МОЛЕНИЕ ЗА ЦАРЯ В РОССИИ

Семнадцатого июля около 200 человек в Москве участвовали на первой общественной панихиде по Царю Николаю Второму, убиенному в 1918 году. Молебен был совершен на кладбище Донского монастыря. Усилия милиции разогнать молящихся не увенчались успехом.

После того как оркестр сыграл «Боже Царя Храни» священник назвал Царя, его Семью и всех с ним расстрелянных первыми мучениками за Россию.

Владимир Анищенко, один из молящихся и организатор панихиды заявил, что большинство молились с большим воодушевлением, добавив, что в России монархизм возрождается и растет ввиду ослабления преследований. Анищенко заявил, что народ требует от власти погребения мучеников по религиозному православному обряду в Петропавловской крепости в Петербурге.

ПЕЧАТЬ

НЕНУЖНОЕ ПРОЩЕНИЕ

В "Новом Мире" # 12 за 1988 год, С. Витковский публикует подборку стихов И. Елагина, сопроводив их биографией поэта, адаптированной соответственно случаю. Выходит так, что тот обиделся на советскую власть поскольку его отца репрессировали в эпоху культа личности, и потому, оказавшись позже за границей, побоялся вернуться на родину и остался за рубежом, где мучился в тяжелых материальных условиях и был весьма нелюбим эмиграцией. Надо мол пожалеть, что он не дождался до счастливого момента, когда в блаженную эру царствования генсека Михаила Сергеевича, его творчество возвратилось в "великий, свободный Советский Союз".

Вероятно, сам Елагин громко запротестовал бы, будь он жив. Ответим за него мы. В том, что он был убежденным и сознательным врагом большевизма, и не пожелал бы с оным ни при какой погоде вступать в сделки, вряд ли есть повод сомневаться. В одном из последних по времени своих стихотворений он выражал уверенность, что, восторжествуя и на Западе коммунизм, ему:

Затылок пробуравит пуля.

В остальном, он являлся бесспорно самым талантливым поэтом нашей второй волны, а затем, в течение долгого периода и первым, общепризнанно, поэтом русской эмиграции в целом. Не видим что-то, кто его не любил или отрицал его большое дарование? И если сперва он и нуждался, то последние годы, видимо, пользовался полным благосостоянием. Стихи его в "Новом Мире" подогнаны так, чтобы показать и подчеркнуть безрадостность существования русского беженца на Западе. Невольно думаешь, что всем нам нужно с осторожностью о своих —, вполне реальных, — бедах рассказывать в печати! Ибо враг слушает и готов использовать... А мы, как бы плохо не пришлось в смысле работы, денег, контакта с окружающей средой, — мы все же счастливы тем, что у нас есть свобода, какой подсоветские люди и при Горбачеве не имеют, и о какой при Сталине или хотя бы Брежнев и мечтать не могли.

Однако, оболгать Елагина оказалось трудно и, во всяком случае, Витковскому не по плечу. Он вот приводит из покойного стихотворца нижеследующий отрывок (даем его в той же форме, что и в советском журнале; как выражается сам Витковский, "намеренно в строку, пусть поэзия разок послужит прозаическим документом"):

"Еще жив человек, расстрелявший отца моего летом в Киеве, в тридцать восьмом. Вероятно, на

пенсию вышел. Живет на покое и дело привычное бросил. Ну а если он умер, наверное, жив человек, что перед самым расстрелом толстою проволокою закручивал руки отцу моему за спиной. Верно, тоже на пенсию вышел. А если он умер, то, наверное жив человек, что пытался в допросах отца. Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел. Может быть, конвоир еще жив, что отца выводил на расстрел. Если бы я захотел, я на родину мог бы вернуться. Я слышал, что все эти люди простили меня".

КТО СМЕЕТ ЗА МЕНЯ РЕШАТЬ?

В том же номере, А. Архангельский превосходно разбирает лживую атеистическую пропаганду И. Крыжовникова, в книге "Христос, миф или действительность?" и его горячей апологетики Е. Лосото. Но мы из его статьи ("Из прошлого о вечном") выпишем только подстрочное примечание, с содержанием коего на 100 % согласны:

"Говорят, что совсем недавно (не имею возможности проверить) дано разрешение перевозить через наши священные рубежи 2 книги религиозного содержания. Если так, то я совершенно отказываюсь понять, почему 2 тома менее опасны, чем 3 или 4, и почему вообще кто-то смеет за меня решать, что мне читать и в каких дозах".

НЕСБЫВШАЯСЯ СУДЬБА ЦВЕТАЕВОЙ

В "Русской Мысли" от 23 июня с. г., А. Сумеркин, рецензируя книгу М. Белкиной "Скрещение судеб", патетически спрашивает: "Попытаемся на минуту представить, что Цветаева оказалась бы в Париже в 1940 году, когда туда вошла немецкая армия: что могло бы ожидать известную своими независимыми взглядами русскую жену бежавшего из СССР еврея-агента ГПУ с 14-летним сыном, носившим фамилию Эфрон?"

Вопрос, в самом деле, любопытный. Попробуем к нему подойти с немецкой, и даже со специфически национал-социалистической точки зрения.

Но сперва пару слов о том, как бы сложилась судьба поэтессы, если бы она решила остаться на Западе, хотя бы не отрекаясь формально от мужа. Несомненно, эмиграция, следившая за ее поведением, быстро изменила бы свое отношение к ней, и вместо враждебности стала бы к ней проявлять сочувствие; возможно, и активно ей помогать. Так что и материальное положение ее скорее всего бы улучшилось. Потому что ведь именно личность Эфрона служила главным камнем преткновения в ее контактах с русским Зарубежием; особенно — с правой его частью. А французские власти принципиально пришли к выводу, что она о роли Эфрона ничего не знала, и никаких

неприятностей ей бы не чинили.

Что до немцев, они бы, можно предположить, рассуждали так: 1) Цветаева по матери, урожденной Мейн, была полунемкой, фольксдейчкой и, следовательно, отчасти привилегированной; 2) даже ее сын был очень относительно евреем. Сам Эфрон был сыном еврея и русской дворянки. У Мура, значит, имелась половина русской крови, четверть немецкой и лишь четверть еврейской. По немецким правилам, тем более во Франции, его бы преследования мало коснулись, а скорее всего — и никак; 3) что до чекистских дел мужа, немцы скорее всего усвоили бы точку зрения французской полиции, то есть что поэтесса к ним непричастна.

Надо учесть, что Цветаева не только была для немцев видным русским поэтом и человеком, пропитанным немецкой культурой, но и автором, в годы Первой Мировой войны, стихотворения в защиту Германии, включавшим строку "Германия, моя любовь".

Трезво было бы предположить, что они бы к Марии Ивановне относились отнюдь не враждебно; и, скорее всего, попытались бы привлечь ее на свою сторону. Вот дальше все бы уж зависело от нее, и она легко могла бы себя погубить неосторожностью. Но, пожалуй, ради сына по крайней мере, она вела бы себя с известной гибкостью, — и потому вполне могла бы каких-либо несчастий избежать.

Против нее говорили бы, правда, стихи, оплакивающие захват немцами Чехословакии; но это была тема не столь уж важная, в глазах оккупационных властей во Франции; и они на них могли бы закрыть глаза.

Можно даже продолжить вопрос Сумеркина и дальше: а что бы было, попади Цветаева в руки немцев в СССР (чего она сама, видимо, панически боялась?). Там все было куда жестче, чем во Франции, и могло обернуться хуже. Но и то, — в ее пользу говорило бы то, что у нее, перефразируя слово Ахматовой, были "муж в могиле, дочь в тюрьме"; что для немцев служило бы некоторой гарантией антибольшевизма.

В общем, по здравому смыслу, для нее вероятно хуже бы не было, чем получилось под гнетом большевиков; а могло бы оказаться и лучше. Например, если бы ее вывезли в Германию, и она попала бы, в конечном счете, на Запад, во Францию или Америку.

Но, разумеется, нет смысла предаваться подобным фантазиям. К сожалению, в реальности все получилось иначе...

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ЛИЦЕМЕРИЯ

Выпишем отрывок из статьи Зои Крахмальниковой (жены Феликса Светова, с которым вместе она мужественно пострадала за веру в СССР) "Еще раз о горьких плодах сладкого

плена", в "Русской Мысли" от 23 июня с. г.

"Представители Русской Зарубежной Церкви, находящиеся в духовном единстве, как они свидетельствуют, "со страждущей матерью Церковью"; оказались чуждыми той холодной рассудочности и высокомерия, которые характеризовали выступления представителей Американской (протоиерей И. Мейендорф) и Вселенской (Н. Струве) Церквей. Чужая боль, как известно, "не болит". К моему огорчению, защищая сергианство, напрямую и косвенно, Н. Струве и прот. И. Мейендорф, извратили главную мысль моей статьи, приписав мне то, чего я не говорила. Нигде в статье я не называла сладким пленом положение Церкви в период правления ею митрополита Сергия. Нет речи в моей работе и о вине митрополита Сергия. Статья посвящена не историческим корням сергианства, а анализу его как духовного феномена, приносящего сегодня очевидные всем горькие плоды. Самым тягостным для Русской Церкви плодом нынешнего "сладкого плена" (внимательный и непредвзятый читатель может услышать в этом словосочетании лишь горькую иронию) является разрыв с православием, выразившийся в отказе епископата Русской Православной Церкви канонизировать новомучеников и исповедников Российских по политическим соображениям. Для того, чтобы дискредитировать эту главную мысль работы, мои оппоненты стали приписывать мне то, что отсутствует в ней".

РАЗНОЧТЕНИЯ

В "Континенте" # 59 напечатана подборка прекрасных рассказов В. Солоухина. Они же были недавно опубликованы и в СССР; но там — со многочисленными и многозначительными купюрами. Приведем, в виде примера, кусок, выпущенный из рассказа "За что?", где один малосимпатичный односельчанин описывает автору свои похождения во время войны, в Белоруссии:

"Это называлось "партизаны", а были такие же воинские части и подразделения. Воевали, одним словом. Белоруссы — то нас же очень любили. Во-первых, нам же питаться нужно, где же нам еду взять, кроме как у крестьян. Отбирали и не спрашивали. Война! Во-вторых, убьем немца в какой-нибудь деревне — немцы эту деревню карать. А мы — то в лесу сидим. Нарочно так делали, чтобы у немцев ненависть к белорусскому населению возбудить, а у населения — к немцам".

Все — чистая правда. Но такая, которой советским гражданам знать не надлежит. Гласность гласностью; а нутро — то у большевиков осталось прежнее.

В. Р.

Волею Божией 7 августа с. г., после тяжелой болезни, скоропостижно скончался

архитектор
БОРИС ЮРЬЕВИЧ СЕРБИН

о чем сообщают сын и семья покойного.

В субботу 26 августа с. г., в 18 часов, в храме Св. Сергия Радонежского на улице Св. Владимира в Вижах Бажестере, пригороде Бузнос Айреса, будет отслужена панихида по бывшим членам "Общества Святого Владимира"

А. Н. БАРБИЦКОМУ, Ю. А. ГЕРЦОГУ,
А. Л. ШВЕЦУ, А. Г. ДЕНИСЕНКО,
В. А. КНИРШЕ и Ю. Б. КНИРШЕ,

о чем сообщают друзья покойных.

А. ФЕДОСЕЕВ

ЗНАЧЕНИЕ БИБЛЕЙСКО-ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ

Обратимся теперь к кодексу морали. (Здесь я прошу верующих иметь в виду, что я обращаюсь к социалистическим атеистам и вынужден указывать на выгоды, а не на высокие религиозные идеалы). Нетрудно сообразить, что библейская и христианская религия, обращалась именно к личности каждого отдельного человека, но заключала в себе моральный код, который является, по самому существу, собранием правил, без которых любое общество или государство просто не могут функционировать нормально. «Трудись в поте лица», «Не воруй», «Не лги», «Возлюби ближнего» (то есть уважай его и сотрудничай с ним), «Не убий», «Не прелюбы сотвори» (то есть не разрушай совращением чужой жены семью, важнейшую ячейку общества), «Не завидуй соседу» (то есть будь доволен своими успехами и не подрывай соседские), «Чти отца своего и мать», «Уважай субботний день» (то есть имей время для отдыха и осознания себя самого и своих дел в масштабе мира), «Не произноси имени Бога твоего всуе» (то есть не прикрывай свои ошибки ссылкой на высшие цели и авторитеты), «Не сотвори себе кумира» (то есть не создавай себе иллюзий и ложных кумиров вроде «зрелого» социализма. Пользуйся разумом). Религиозный кодекс морали призывает человека к скромности, к здравому смыслу, к «дальновзоркости» и разумности его эгоизма, к продуктивному сотрудничеству, указывает на ничтожность человека, отдельно, и человечества, в целом, по сравнению со Вселенной и Богом. Едва ли возможен другой кодекс веры, который был бы так же важен для человечества, как кодекс библейской и христианской веры. Любопытно, что проблески понимания этого факта были еще у Сталина (в трудные периоды). Нынешние правители это, видимо, поняли еще полнее. Всего за один прошлый год в СССР было зарегистрировано, как законных, 1610 религиозных объединений. В прошлом году 104. Из них: 1244 православных, 72 грузинских православных, 71 римско католических, 48 мусульманских, 36 объединений пятидесятников. Разрешено строительство 143 разных церквей и мечетей. В прошлом году 17. Возвращено верующим 987 разных церквей и мечетей. Действует 16 религиозных учебных заведений и предполагается открытие двух религиозных академий. Возвращено верующим много монастырей. Это лишь начало.

Думаю, что скоро придется признать и роль конкурентного (не монопольного) хозяина собственника в усвоении людьми указанного кодекса общественной морали. Действительно, может ли хозяин собственник рассчитывать на успех своего дела, если его коллектив работников и каждый в отдельности, не выполняют правил указанной христианской морали, лгут друг другу, воруют, ненавидят друг друга, бездельничают вместо того, чтобы трудиться до поту? Без трудовой христианской морали не будет слаженной работы коллектива и успеха ни у частного собственника, ни у его работников, ни у общества, в целом. Именно эгоизм собственника и всех его работников требует соблюдения правил христианской морали. Иначе говоря, мудрость религии и ее мораль-

ного кодекса полностью соответствует свойствам самого человечества и наилучшему пути его развития.

ЗАПАД, КАК НЕПОДХОДЯЩИЙ НАМ ПРИМЕР

Можем ли мы, восстанавливая способность быстро развиваться на благо граждан, брать полностью пример с Запада? Очевидно, нет. Запад сам находится в тупике и его развитие потеряло скорость по сравнению, например, с периодом промышленной революции. Возьмите хор последователей Запада: «многопартийность, свободные выборы, демократия по примеру Запада. Запад именно поэтому живет лучше нас», кричат они. Однако, так ли это? Однопартийность или многопартийность сводятся ведь не к тому, что существует одна или много партий. Суть в том, что населением управляют партии. Какими бы хорошими они ни были, но они имеют идеологию и программу, которые совершенно не в состоянии отразить огромное и непрерывно изменяющееся многообразие нужд и интересов населения. На Западе можно наблюдать неоднократно, что людей не удовлетворяет ни одна партийная программа. Любой эмигрант может сказать, что он хотел бы кое что из программы одной партии, кое что из программы другой партии и даже из третьей, да и самому кое что добавить. Следовательно, нужно иметь в управлении государством не только членов партий, но и побольше всяких других представителей населения, и каждого обязательно со своей личной про-

граммой. По новому закону СССР происходит разбавление состава «парламента» беспартийными представителями. Каждому полагается по закону иметь собственную, личную программу, а не общую, партийную. Новый закон устраняет западную практику, когда партийные избранники считаются специалистами на все руки и сегодняшний министр, скажем, спорта завтра может занять пост министра финансов. Дело избранников — давать законы, а исполнителям должны быть доверенные специалисты страны, как это и записано в новом избирательном законе СССР.

Свободные многокандидатные выборы тоже не решают дела полностью. Они ведь происходят по большинству голосов. А что делать меньшинству, которого представленные кандидаты не удовлетворяют? Что делать, скажем, чукче, киргизу, армянину, эстонцу или грузину, против интересов которых действует общее для всех правительство большинства? И чем больше размер государства, тем больше общее расходится с частным и местным. Отделаться в собственное национальное государство?

Если центр управления и финансов и воздействия граждан на аппарат управления будет не в слишком населенных (10.000-50.000 жителей) и достаточно автономных общинах, тогда интересы любого меньшинства будут учтены и осуществлены. Центр, конечно, не должен вмешиваться в функции местных советов общин. Законы и общины, в свою очередь, не должны вмешиваться в жизнь и деятельность граждан, если они находятся в рам-

ках правил общежития. Это обеспечит максимум производительности труда и минимум конфликтов и свары. Сейчас даже Шотландия или Уэльс хотят отделиться, так как они не удовлетворены хозяйничанием общего центра управления в Лондоне. В децентрализованном государстве все будут довольны, расположены к сотрудничеству и не захотят отделяться.

Демократия? Что это такое, когда любое диктаторское государство называет себя демократией? Ведь существует и «западная», и «социалистическая», и «народная» и «американская» и «финская» демократии. Я бы определил демократию, как государственное устройство, в котором каждый гражданин независимо от большинства или меньшинства, может устраивать свою жизнь по своему, сотрудничая с другими и соблюдая элементарные правила общежития. Число и содержание общих для всех законов должны быть резко ограничены. Это есть также государство равновластия и государство социального равновесия. Легко видеть, что Запад не имеет ни демократии, ни удовлетворительной системы управления. Страдает от неразрешенных вопросов национализма, сепаратизма, страдает от утери духа сотрудничества граждан, от потери нравственности, страдает от монополизма и централизма. Система кредита перестала выполнять свои функции и превратилась в систему ростовщичества. Фондовая, денежная и товарная Биржи Запада превратились в игорные дома, в центры спекуляции и ограбления рядовых граждан, в инструменты монополизации и гигантизации.

Есть однако, и еще более важная причина, по которой Запад не может служить нам примером. Тысячелетиями человеческое общество в поисках удовлетворительных средств повышения производительности труда и, следовательно, повышения уровня жизни двигалось по пути централизации, монополизации, концентрации, гигантизма. «Зрелый» социализм осуществил все это в самой предельной степени, но через революцию. Управление государством осуществлялось административными и насильственными средствами. Запад, несколько увернувшись от социализма, продолжил ту же самую тенденцию, употребив для управления людьми деньги. Деньги оказались гораздо более действенными и менее открыто насильственным средством централизации, концентрации, монополизации и гигантизма. (Нужно, конечно, иметь в виду огромный дефект управления деньгами. Нельзя управлять с помощью денег людьми, у которых деньги имеются в достатке. Для осуществления управления деньгами нужно иметь достаточный недостаток денег у управляемых (долги) и достаточный излишек их у управителей. Нужны контрасты богатства управляющих и бедности управляемых. Система банков стала системой ростовщичества, выкачивающего деньги, как мощным насосом, из карманов управляемых в сейфы управляющих. Таким образом, такое управление, когда за долги вас лишат и жилища и средств жизни, тоже является насилием, пожалуй, не менее страшным чем административное. Ясно, что такая система управления будет обязательно людьми,

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ОСТАНКОВ

Девятого июня 1989 года в Москве состоялось учредительное, организационное заседание Комиссии. Было принято название Комиссии: «Комиссия по вскрытию места захоронения и исследованию предполагаемых останков убиенных членов Императорской Семьи».

Ближайшие задачи Комиссии: 1. Создание экспертной группы. 2. Сбор подписей под обращением независимого журнала «Российские Ведомости». 3. Предложение зарубежной общественности о создании аналогичной международной Комиссии и установление с ней рабочих контактов. 4. Распространение информации, связанной с работой Комиссии.

Обязанности распределены следующим образом:

Председатель — иеродиакон Дионисий (Макаров).

Заместитель председателя — Лев Волохонский.

Консультант по обеспечению экспертного состава — Гелий Рябов.

Член-консультант — Ольга Рябова.

Ответственный за Информационный Бюллетень — Наталья Голованова.

За корреспонденцию — Максим Мейер, Евгений Красников.

За связь с прессой — Владимир Анищенко.

Казначей — Ольга Корзанина, помощник казначея — Павел Литомин.

Представители: в Ленинграде — Валентин Погорилый, Мурманске — Андрей Илларионов, Свердловске — Сергей Почечуев.

Открыт счет # 112397 в сбербанке 5278/06 Киевского района города Москвы, на имя Корзаниной Ольги Викторовны, для сбора средств на работу Комиссии.

Поступление корреспонденции по адресу: 121096 г. Москва п-о Г-096, а/я 493, на имя иеродиакона Дионисия (Макарова).

Контактные телефоны: в Москве — 142-42-44, Ленинграде — 531-49-43, Мурманске — 6-68-42.

Состав Комиссии на сегодняшний день:

Иеродиакон Дионисий (Макаров) — Лев Волохонский — Гелий Рябов — Ольга Рябова — Наталья Голованова — Максим Мейер — Валентин Погорилый — Владимир Анищенко — Ольга Корзанина — Павел Литомин — Андрей Илларионов — Сергей Почечуев — Владимир Карпец — Евгений Красников — Владимир Ерохин.

рано или поздно, ликвидирована). Фактически, Запад полностью приблизился к пределу этой многотысячелетней тенденции — к мировому государству под единым и тотальным управлением мирового правительства из крупнейших финансовых тузов мира.

Беда указанной тенденции оказалась в том, что она была вторичной. Первичной же многотысячелетней тенденцией было развитие самого человечества, как совокупности многообразия личностей и характеров. Если сравнить интеллектуальные уровни пещерного и современного человека, то разница будет огромной, в пользу современного человека. Это развитие в сторону большего интеллекта чрезвычайно ускорилось в последнее столетие. Люди приобретают все больше новых сторон (включая и недобрые) и свойств, по которым они отличаются друг от друга. Развитая часть человечества, в особенности, превращается в колоссальное многообразие разных, нестандартных личностей. Управлять ими становится чрезвычайно трудно. Каждый претендует на свой собственный способ жизни. Эта тенденция, естественно, полностью противоречит тенденции централизации, концентрации, монополизации, гигантизма. Спрашивается, какая тенденция победит? Разве можно сомневаться, что победят именно люди. Они не захотят становиться винтиками и болтиками нового тоталитаризма мирового государства финансистов. Миссис Татчер со своим здоровым инстинктом и здравым смыслом является символом современного развитого человечества, нежелающего становиться стандартными винтиками и болтиками. Она не захотела, чтобы Англия утратила свои особенные национальные черты и собственную волю в устройстве своей жизни, чтобы попасть под бюрократическую власть централизованного и монопольного аппарата «Объединенной Европы».

Это, конечно, требует особого разговора, но стоит упомянуть, что появилось уже несколько очень важных признаков преодоления тысячелетней тенденции государств в пользу децентрализации, деконцентрации, демополизации и дегигантизации. Следует также отметить очень интересную особенность процесса децентрализации. Когда разница в активности и информированности вождя и населения велика, структура управления должна быть такой, чтобы команда вождя доходила бы до рядового («темного») жителя. Этому соответствует иерархическая структура. В прошлом веке было установлено, что один человек может успешно командовать только четырьмя другими людьми. Вождь командует четырьмя помощниками, его помощники командуют каждый еще четырьмя человеками и так далее. Для, скажем, двухмиллионного населения будет необходимо 14 ступеней команды. Когда существуют дополнительные, достаточные просты для усвоения правила, можно увеличивать число подкомандных и уменьшать число иерархических слоев. В СССР мы имеем сейчас десять слоев подчинения и иерархии: работник, бригадир, мастер, начальник

цеха, директор предприятия, начальник главка, министр, Совет министров, Политбюро, Генеральный секретарь. По партийной линии: член партии, парторганизатор, партбюро предприятия, секретарь райкома, секретарь обкома, ЦК, Политбюро, Генеральный секретарь. Чем больше слоев, тем более искажены команды, когда доходят до рядовых, и тем меньше вожди и его аппарат знают, что делается внизу. Иерархия есть необходимая для управления «болтиками» система. Превращение рядовых «болтиков» в самостоятельную мыслящую и ответственные личности создает необходимость в отказе от сложной иерархии. Она делается весьма неэффективной. На Западе совсем недавно начался отход от прежней иерархии. Конечно, не по «указанию» начальников, а по указанию со стороны прибыли. Неэффективность понижает прибыль, а повышение производительности труда повышает их. Такие корпорации, как, скажем, Сигрс в США, имеют иерархию в 13-15 слоев. Появился им конкурент, имеющий в иерархии только три слоя, хотя число работников было того же порядка. Эта конкурирующая корпорация использовала то, что работники перестали быть «болтиками» и обрели свои собственные мозги. Оказалось возможным доверить рядовым работникам гораздо большую ответственность и самостоятельность, чем прежним «болтикам», без опасности хаоса. Число иерархических слоев резко сократилось. Появилась у рядовых работников творческая заинтересованность, а не только денежная.

Производительность труда резко увеличилась и прибыли увеличились. Теперь многие гигантские корпорации вроде гиганта Сименса в ФРГ расщепляются на множество маленьких автономных компаний с единым контрольным центром, управляемым Советом директоров, который почти не вмешивается в дела подчиненных компаний, давая им сравнительно с прежним много большую творческую свободу. Легко видеть, что это есть развитие именно в направлении к государству в виде содружества независимых местных общин. Иначе говоря, Запад тоже находится на переломе и брать именно нынешний Запад за пример при перестройке, значит принять временное за постоянное и замедлить без нужды движение к «идеалам грядущего». Лучше ориентироваться на будущее, к которому движется все человечество, включая Запад. Преобразование Запада возьмет несколько десятилетий, а наша страна может ускориться значительно скорее.

Я уже отмечал, что первые (конечно, ничтожно малые) шаги перестройки в СССР указывают на попытки найти собственный путь. Будущее за децентрализацией, деконцентрацией, демополизацией, дегигантизацией. За тем, чтобы реализовать колоссальные творческие силы миллионов граждан и каждого из них. В том, чтобы дать людям свободу двигаться каждому и по своему к «идеалам грядущего». Помешать людям в этом можно только временно. Рано или поздно, любая помеха будет людьми ликвидирована.

А. ФЕДОСЕЕВ

Н. Сидоренко

«НА ГРАНИ ПРОПАСТИ»

В последнее время все чаще раздаются весьма тревожные голоса о будущем нашей страны. Например, в начале прошлого месяца академик Андрей Сахаров прямо заявил, что «СССР находится на грани пропасти». Экономист Николай Шмелев, во время своего пребывания в Париже, сказал, что «если мы в течение следующих двух-трех лет не остановим инфляцию, упадок потребительского рынка и колоссальный бюджетный дефицит, мы окажемся перед экономическим коллапсом». Борис Ельцин утверждает: «Если не улучшится уровень жизни народа, положение станет революционным».

Все эти заявления дают понять, что методы лечения политических и экономических недугов нашей страны пока — по крайней мере — не дают надлежащих результатов, но они ни слова не говорят о том, что дело не только в методах лечения, а прежде всего в правильном диагнозе.

Больше того, иногда даже делаются весьма странные — и еще более опасные — выводы, что в сегодняшнем ухудшающемся положении нашей страны виноваты попытки перестройки давящей ее системы. Повидимому, именно это и думает Егор Лигачев, когда заявляет: «У меня золотое правило: прежде чем войти в помещение, я хотел бы знать, как я смогу из него выйти».

Однако, если Лигачев считает, что лучше было не ввязываться в перестройку, без того, чтобы знать, как из нее выйти, то именно это «золотое правило» в первую очередь применимо к самой социалистической системе, из которой выйти еще труднее, чем из перестройки.

Вот как раз в этом и состояла историческая задача русской политической эмиграции: она с самого начала предупреждала против вхождения в социалистическую систему, и своевременно свидетельствовала о геноциде над русским крестьянством и казачеством, об уничтожении русской природы, о разбазаривании нашего народного капитала — скопленного в течение тысячелетия —, о уничтожении наших памятников культуры, о терроре, о застое. Сейчас это подтверждают и представители самой системы, но теперь уже поздно.

В настоящее время нам сообщают ряд новых данных, которые для сознательной и просвещенной части русской политической эмиграции отнюдь не являются новыми.

Нам сообщают, что сбор урожая зерновых в этом году не достигнет и 200 миллионов тонн. Что дефицит государственного бюджета СССР превышает 160 миллиардов долларов, то есть, что он выше бюджетного дефицита США. Что инфляция в прошлом году достигла 10%. Что из 200 важнейших продуктов широкого потребления, 90 — в хронической нехватке. Что необходимо было рационализировать продажу сахара, несмотря на хваленую дружбу с Кубой. Что 30% урожая зерновых теряется во время транспорта. Что только четвертая часть картошки доходит до столов потребителей. Этот список экспериментальных результа-

тов применения социалистической системы можно было бы значительно продолжить. Но дело даже не в этом, а в том, что эти результаты не учитываются, для того, чтобы из них сделать соответствующие выводы. Наоборот, нам говорят, что система сохраняется, но ее последствия будут исправляться при помощи перестройки, которая, однако, как сказал Леонид Абалкин, будет нуждаться в жизни двух поколений, для того, чтобы осуществиться.

Однако, русская политическая эмиграция не только своевременно свидетельствовала о всех отрицательных последствиях «построения социализма в одной стране», но и давала правильный диагноз этому процессу с соответствующими указаниями необходимых методов для его преодоления.

Чтобы оставаться в рамках страны «Нашей Страны», можно указать на два примера.

В «Народной Монархии» И. Л. Солоневича, впервые изданной «Нашей Страной» в 1952 году (а затем переизданной в 1955 и 1973 годах), основатель «Нашей Страны» говорит: «Из всех видов свобод наибольшее и наиболее универсальное значение имеет свобода хозяйственной деятельности» (Изд. 1973 года, стр. 49). Наше движение «принципиально стоит на защите частной собственности или, что одно и то же, — частной инициативы. Эта собственность и эта инициатива могут быть ограничены только в случаях самой крайней и самоочевидной необходимости...» (там же). «Защищая частную собственность и частную инициативу, мы имеем в виду только и исключительно интересы народного хозяйства. Мы признаем свободу хозяйственной конкуренции, ограниченную только в случаях самой крайней необходимости...» (стр. 52).

А Федосеев, в статье «От социализма к будущей России» («Н. С.» # 1963, от 12-3-1988) формулирует следующим образом альтернативу социализму: «Эта формула ведет к преобладанию частной собственности (не корпоративной общественной), к сильно конкурентному и свободному рынку, в условиях децентрализованного, деконцентрированного управления обществом, без монополий и чрезмерных гигантов... Эта альтернатива прямо определяет и процесс перехода к ней от «зрелого социализма». Суть процесса должна состоять в постепенном преобразовании государственной собственности в частную. Без ликвидации системы государственной собственности указанные альтернативы не приведут к успеху» (# 2031)

Н. Сидоренко

О ПЕЧАТКИ

В рецензии В. Рудинского на книгу Р. Вайяна «Странная игра» (# 2027) вкрались ошибки. Вильгельм Телль по-русски пишется через два л: Телль. Фукидид пишется с д на конце (а не с т). У переводчика, которого В. Рудинский поправляет, было написано Тусидид (а не Тусилит).